

Сказав это, Лян Сычжэ взял несколько салфеток со столика и протянул их Цао Е. Затем, опершись на диван, он встал и пошёл в ванную вымыть руки. Их пальцы только что были переплетены, жидкость просачивалась между ними и стекала по тыльной стороне ладони. Цао Е некоторое время в оцепенении лежал на диване, затем вытерся салфетками и тоже пошёл в ванную.

Лян Сычжэ стоял у раковины, вода из-под крана лилась на его руки, смывая за собой его следы. Цао Е смотрел на его длинные пальцы под струями воды и подумал, что эта картина выглядит довольно эротично. Невольно он потёр свои влажные кончики пальцев. Лян Сычжэ повернулся и посмотрел на него. Этот взгляд задержался на лице Цао Е чуть дольше обычного, в нём читался какой-то особый смысл. Цао Е отвёл глаза. В темноте гостиной всё было проще, но в ярко освещённой ванной он видел лёгкую насмешку в глазах Лян Сычжэ, и это заставляло его чувствовать себя неловко. Лян Сычжэ отвернулся и, медленно поворачивая руки под струей воды, сказал:

— Цао Е, ты действительно повзрослел.

Цао Е не сразу понял, что он имеет в виду:

— В каком смысле повзрослел?

Затем он уловил нотки смеха в голосе Лян Сычжэ:

— Во всех смыслах.

Лян Сычжэ выключил воду взмахом руки, датчик сработал автоматически. Он снова обернулся к Цао Е, быстро оглядел его с головы до ног, задержав взгляд на мгновение внизу, а затем снова посмотрел ему в лицо. Выходя из ванной, он с улыбкой сказал:

— Чего застыл? Ты же тоже хотел помыть руки?

Неловкость Цао Е как рукой сняло. Он схватил Лян Сычжэ за руку и возмущённо воскликнул:

— Эй, постой! Объясни, в чём я повзрослел?!

— Ты правда хочешь, чтобы я объяснил?..

— Откуда ты знаешь, что я повзрослел? Десять лет назад ты этого не видел.

Стоило ему вспылить, как прежняя энергия, та самая, что была десять лет назад, вернулась. Лян Сычжэ, улыбаясь, посмотрел на него:

— Я же водил тебя в туалет, как я мог не видеть?

— Что ты ещё делал со мной той ночью, пока я был пьян?

— Догадайся.

— Мне тогда было всего 15!

— Да, я знаю. Маленький мальчик, который ещё не познал радостей поллюций.

— Эй!

— Ладно, Цао Е, — Лян Сычжэ, улыбаясь, прислонился к дверному косяку. — Мне нужно в ванную, иди мой руки.

— Сычжэ-гэгэ, — вдруг произнёс Цао Е.

Лян Сычжэ на мгновение замер. Цао Е сделал шаг к нему и, глядя ему в глаза, спросил:

— А что ты тогда так долго делал в ванной?

Видя, как Лян Сычжэ впервые потерял дар речи, Цао Е ощутил чувство торжества. Всё это время он не мог противостоять поддразниваниям Лян Сычжэ, и вот наконец-то ему удалось взять реванш. Неудивительно, что Лян Сычжэ любил дразнить его с юности — видеть замешательство на лице другого человека действительно доставляло какое-то неопишуемое удовольствие. Цао Е, пользуясь преимуществом, продолжил:

— Ты правда тогда просто мылся?

Через мгновение Лян Сычжэ отвернулся и тихо рассмеялся:

— Ты догадался? Когда?

— Угадай, — ответил Цао Е теми же словами. Он и сам понял это не сразу. В шестнадцать лет он впервые мастурбировал в ванной. Позже, почувствовав лёгкий запах возбуждения и увидев своё покрасневшее лицо в зеркале, он вдруг вспомнил тот вечер в «Лазурной вечеринке» и Лян Сычжэ, выглядевшего после душа совсем иначе, чем обычно. Вспомнив порнографичекий фильм, который они смотрели в тот день в кинотеатре напротив Иньсы, он сразу понял, почему Лян Сычжэ так долго не открывал ему дверь ванной. Интересно, хотел ли Лян Сычжэ прибить его в тот момент, когда его прервали...

— Цао Е, ты действительно повзрослел, — снова сказал Лян Сычжэ, смеясь.

Тёплый жёлтый свет обрисовывал контуры лица Лян Сычжэ. Сердце Цао Е дрогнуло. Он снова позвал его:

— Сычжэ-гэгэ, — и, как замороженный, глядя на него, тихо произнёс: — Я однажды тебе помешал, теперь хочу возместить это. Ты примешь мою компенсацию?

Он увидел, как дёрнулся кадык Лян Сычжэ. Затем он наклонился и нежно прикусил эту выступающую косточку.

— Твоё «Сычжэ-гэгэ»... Забери мою жизнь, если хочешь, — услышал он тихий, словно сдерживаемый голос Лян Сычжэ над своей головой.

Сжав в ладони обжигающую плоть, Цао Е вдруг осознал, что так и не помыл руки. Он услышал, как Лян Сычжэ глубоко и медленно вздохнул, а затем так же медленно выдохнул, словно дрожа. Лян Сычжэ сжал губы, и его кадык снова дёрнулся, он слегка запрокинул голову, уперевшись затылком в дверной косяк. Его веки были полуприкрыты, взгляд не отрывался от Цао Е. Волосы Цао Е щекотали его подбородок, а влажные губы посасывали и покусывали его кадык, даря яркие и отчётливые ощущения, недостижимые даже во сне.

Разум кричал, что Цао Е сошёл с ума. Он не мог представить, что горячая пульсирующая плоть в его руке принадлежит другому мужчине. Но он не мог отвести взгляд от лица Лян Сычжэ. Он был словно околдован этим нахмуренным лбом, движущимся кадыком, этой потерей контроля, которая не была наигранной. Он хотел увидеть ещё больше этой уязвимости, этой неспособности сдержаться. Особенно потому, что причиной этой потери контроля был он. Только он мог видеть Лян Сычжэ таким.

После окончания их тела покрылись испариной. На этот раз Лян Сычжэ первым пошёл в душ. Цао Е сидел на диване, тупо глядя на свою правую руку. Он уже смыл всё под краном, но скользкое ощущение, казалось, всё ещё оставалось на его пальцах. Трудно было поверить, что всё произошло так быстро. В то время как Лян Сычжэ терял контроль, он сам терял его ещё быстрее.

Но быть с Лян Сычжэ было действительно... хорошо. Несмотря на то, что всё, казалось, шло по его, Лян Сычжэ, сценарию. Когда Цао Е чувствовал себя неловко, Лян Сычжэ заводил разговор об Иньсы. Когда они расслаблялись, Лян Сычжэ иногда переходил границы дружбы, но никогда не заходил слишком далеко. Все эти годы он любил Лян Сычжэ. И внешность, и характер Лян Сычжэ идеально попадали в его предпочтения. Когда Цао Е закончил умываться, Лян Сычжэ сидел, прислонившись к изголовью кровати, и читал сценарий. Цао Е подсел к нему:

— Как идут съёмки?

— Нормально. Сложновато работать с детьми, — Лян Сычжэ закрыл сценарий и положил его на тумбочку. — Выключить свет?

— Давай. Ты так быстро прочитал сценарий?

— Там всего несколько изменений по сравнению с предыдущей версией, — Лян Сычжэ выключил свет, повернулся и с улыбкой спросил: — Боишься, что я не буду воспринимать фильм Luomeng всерьёз?

Цао Е лёг на подушку:

— Ты без особого старания получил приз в Каннах. Если постараться, то, наверное, и на Оскар замахнёшься.

— Ты слишком высокого мнения о своём парне.

Они оба рассмеялись.

— Когда я говорил, что не понимал, что играю в «Реке Ванчуань», я не имел в виду, что не относился к этому серьёзно, — сказал Лян Сычжэ, когда они отсмеялись.

— Я знаю, — ответил Цао Е. Он твёрдо решил посмотреть все фильмы Лян Сычжэ за эти несколько дней. Подумав немного, он произнёс: — Лян Сычжэ...

— М?

— Ты тогда, наверное, хотел меня прибить? В ту ночь, когда ты был в ванной...

— Тогда, — Лян Сычжэ рассмеялся, вспоминая, — я подумал, что этот ребёнок умеет выбирать момент. Прерывать взрослого человека, когда тот занят важным делом.

— Эй, тебе самому тогда было всего восемнадцать... — Цао Е задумался, а затем спросил: — А о чём ты тогда думал?

— Дай подумать... Наверное, не о тебе. Думать о пятнадцатилетнем мальчишке — это преступление. Скорее всего, я думал о фильме, который мы смотрели днём.

— О... — ответил Цао Е, и через некоторое время рассмеялся. — Да, я тоже думаю, что выбрал не самый подходящий момент.

Они ещё немного поговорили, голос Цао Е постепенно становился тише. Он выпил сегодня

вечером, голова была немного мутной, и вскоре его сморил сон. Рядом послышалось тихое посапывание. Цао Е крепко спал.

Лян Сычжэ, слушая его дыхание, тоже закрыл глаза. Практичность и зрелость были для Цао Е словно панцирь, защищающий его и делающий неуязвимым. Но сейчас он выбрался из своей раковины и шаг за шагом снова превращался в того нежного и живого юношу из Иньсы. Эта перемена была удивительной, всё было даже лучше, чем он мог себе представить. Хотя нет, он почти не представлял, как будут развиваться их отношения с Цао Е. Несмотря на то, что он пытался, но не мог забыть Цао Е, он никогда не думал, что однажды они будут спать в одной постели, вернувшись к непринуждённому общению, которое было у них в Иньсы. Он думал, что всё это заслуга его мальчика, который, будучи однажды раненым, нашёл в себе мужество выбраться из своего панциря, спрятать острые когти и показать ему свой мягкий живот.

На следующее утро Лян Сычжэ проснулся первым. Он старался встать как можно тише, чтобы не разбудить Цао Е. Он пошёл в спортзал и час занимался боксом с тренером. Цао Е проснулся только тогда, когда Лян Сычжэ вернулся в спальню и начал искать одежду.

Цао Е проснулся, но не двигался. Он слушал шум воды из душа, вспоминая события прошлой ночи, и медленно открыл глаза, глядя на свои пальцы. Нахмуренный лоб и двигающийся кадык Лян Сычжэ. Лян Сычжэ в душе. Лян Сычжэ в его руке. Хотя он не осмелился рассмотреть всё как следует, но их размеры, кажется, были примерно одинаковыми?

Шум воды в ванной прекратился. Послышались шаги Лян Сычжэ. Он открыл дверь и вышел в гостиную. Цао Е сел. Тц, о чём он только думает с самого утра?

— Проснулся? — Лян Сычжэ наклонился и потрепал его по голове. — Поддай мне, пожалуйста, резинку для волос с тумбочки.

Цао Е взял резинку и, наблюдая, как Лян Сычжэ завязывает волосы, снова почувствовал, как его сердце дрогнуло. У него появилась новая идея. Но прежде чем он успел её осуществить, зазвонил телефон на тумбочке. Цао Е взял телефон и увидел, что звонит Чэн Дуань.

— Совсем там размяк, да, господин Цао? Не хочу портить тебе всё веселье, но ты, кажется, забыл, что у нас сегодня в три дня встреча с господином Чи Минкаем по поводу проекта? — раздался голос Чэн Дуаня из трубки.

Если бы Чэн Дуань ему не напомнил, Цао Е бы и правда напрочь забыл об этом. Последние несколько дней все его мысли были заняты сяо-сяо Бай, он отложил все дела в компании на неделю, совершенно не подумав о том, что через неделю он будет в отношениях с Лян Сычжэ. Господин Чи, о котором говорил Чэн Дуань, был старшим братом Чи Миньяо, Чи Минкаем. Он очень помог Luomenp на начальном этапе, поэтому Цао Е был у него в долгу. Встречу с Чи Миньяо он мог легко перенести на другой день, но с Чи Минкаем — точно нет.

Разговаривая с Чэн Дуанем, Цао Е заметил, как Лян Сычжэ, наклонившись, надевает брюки. Хотя он много раз видел это в Иньсы, он не мог не засмотреться на длинные стройные ноги

Лян Сычжэ. Внезапно он вспомнил постер к фильму «Красный мужчина, красная женщина» — шелковистое красное платье и две обнаженные, будоражащие воображение ноги под ним.

Чэн Дуань, не услышав ответа, переспросил:

— Перенести встречу? Ты меня слышишь?

— А, — Цао Е очнулся. — Я вернусь сегодня.

Положив трубку, Цао Е сказал:

— Мне нужно вернуться в Luomeng.

Лян Сычжэ, надев брюки, застегивал ремень. Услышав это, он посмотрел на него:

— Проблемы в компании?

— Угу, — уныло ответил Цао Е.

— Или, — продолжил Лян Сычжэ, — тебе неловко, и ты хочешь сбежать? Цао Е, я же говорил, что не тороплюсь. Если ты не можешь...

Цао Е, как и ожидалось, снова вспылал:

— Эй, кто это не может?! — сказав это, он понял, что слишком резко отреагировал, и, успокоившись, объяснил: — У меня действительно есть дела. Я договорился о встрече с братом Чи Миньяо, чтобы обсудить проект.

— Я пошутил, — рассмеялся Лян Сычжэ. — А ты воспринял это всерьёз.

Цао Е, пытаясь оправдаться, тихо пробормотал:

— Но ты же не можешь говорить, что я не могу...

Лян Сычжэ не смог сдержать смех и снова потрепал его по волосам:

— Цао Е, ты...

После ливня погода прояснилась. Наступила прохладная ранняя осень. Приезжая, Цао Е был

одет только в футболку, а на обратном пути он надел сверху куртку Лян Сычжэ. Рейсы возобновились, и Цао Е вылетел из Шанхая в Пекин. В Luomeng он вернулся в два часа дня. Чэн Дуань пришёл к нему в кабинет:

— Может, мне не стоило напоминать тебе о встрече?

— Ты решил встретиться с господином Чи один на один? — пошутил Цао Е. — Решил устроить переворот, да?

— Вы помирились, — уверенно заявил Чэн Дуань.

Цао Е, подписывая контракт, поднял на него глаза:

— Что?

— Ты сам не заметил? Весь последний месяц ты был в таком ужасном состоянии, будто ничто тебя не радовало. Но ты съездил в Шанхай и вернулся совсем другим человеком. Что за волшебное зелье дал тебе Лян Сычжэ?

Цао Е пролистал контракт:

— Господин Чи скоро будет здесь. Заместитель директора Чэн, тебе не пора подготовить материалы к совещанию?

— О, начал меня выгонять. Я просто хотел сказать, что в последнее время у меня тоже проблемы с мотивацией. Хотел попросить у Лян Сычжэ рецепт.

— Ты неисправим, — Цао Е не смог сдержать смех. — Ты, наверное, в последнее время много общаешься с Линь Янем, твой стиль речи становится всё больше похож на его.

— Правда? — рассмеялся Чэн Дуань. — Тогда мне нужно это исправить.

Чи Минкай прибыл в Luomeng ровно в три часа. Кроме трёх своих подчинённых, он привёл с собой Чи Минъяо. Он намеревался подготовить Чи Минъяо к управлению Mingtai Pictures. На совещании обсуждались два проекта, которые планировалось запустить в следующем году. Luomeng и Mingtai Pictures собирались в течение следующих трёх лет совместно инвестировать в проект по экранизации китайской маньхуа.

Когда дела были почти решены, Чи Минкай сказал, что ему нужно уйти, и через несколько минут Чэн Дуаня вызвали в отдел рекламы. В кабинете остались только Цао Е и Чи Минъяо. Тогда Чи Минъяо объяснил истинную причину своего визита: сейчас снимался сериал «Если бы облака знали», который он финансировал для своего парня Ли Янсяо, и он хотел бы, чтобы

его показывали еженедельно на каком-нибудь телеканале. Он надеялся, что Цао Е поможет ему связаться с ответственным за закупки на телевидении.

Цао Е отвечал ему рассеянно, глядя на сообщения на телефоне. Лян Сычжэ прислал фотографию и написал, что сяо Мэн сегодня получил ещё одну звёздочку и хочет подарить её Е-гэгэ, но Е-гэгэ нет дома. За фотографией следовало голосовое сообщение. Цао Е открыл голосовое сообщение и поднёс телефон к уху. Из динамика раздался не голос Лян Сычжэ, а голос сяо Мэна:

— Е-гэгэ, когда ты вернёшься? У меня есть для тебя подарок.

Чи Минъяо, сидящий напротив, протянул руку и постучал по столу перед ним:

— Ты меня вообще слушаешь?

— Слушаю, — небрежно ответил Цао Е. — Говори, я улавливаю ключевые моменты.

Игнорируя нахмуренное лицо Чи Минъяо, он смотрел на слова «Е-гэгэ» на экране телефона и вдруг вспомнил, как Лян Сычжэ сказал ему под лунным светом в тот день: «Я люблю тебя». Когда он услышал эти слова, он просто почувствовал приятную атмосферу и волнение. Но сейчас Цао Е вдруг осознал, что Лян Сычжэ действительно любит его. Это чувство любви было ему почти незнакомым, но, казалось, обрело форму в виде руки, закрывающей его лицо, кулака, замахнувшегося на пресс-конференции, и слов: «У тебя будет примерно десять секунд, чтобы увернуться».

Чи Минъяо снова постучал по столу. Цао Е посмотрел на него и неожиданно спросил:

— Ты его любишь?

Чи Минъяо опешил:

— Какого чёрта?

— Твоего парня. Или он тебя любит?

Чи Минъяо нахмурился:

— Ты с ума сошёл?

Цао Е понял, что это бесполезно, как играть на цитре для коровы. Он не мог говорить по душам с этими «друзьями». Он дал Чи Минъяо понять, что тому пора уходить:

— Ладно, я понял про еженедельный показ. Если у тебя больше ничего нет, то катись отсюда.

Чи Минъяо, однако, быстро сообразил и сразу же докопался до сути:

— Что тебе сказал Лян Сычжэ?

— При чём тут Лян Сычжэ?

— А почему тогда ты задаёшь такие странные вопросы?

«Что ты понимаешь... — подумал про себя Цао Е. — Лян Сычжэ сказал, что любит меня». Цао Е подумал, что, должно быть, у него случилось помутнение рассудка, когда он задал Чи Минъяо эти два вопроса. Но затем он понял, что, хотя и пытался отрицать свои отношения с Лян Сычжэ, на самом деле он, похоже, очень хотел, чтобы другие узнали об их романе.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130311>